

Был избран вкус пыли.  
 Почему молоко? Привыкание?  
 Вкус пыли, который ни к чему не обязывает,  
 пыли укус не замечен вначале –  
 меня больше там, где я о себе забываю,  
 эти легкие светлые ниши, впадины, чаши пустые,  
 ключицы были чисты, как будто пожара истоки  
 поили их, цвета лишая. Привыкшие?  
 Вкус молока, вкус истинной пыли, –  
 "я волосы знал твои в зной",  
 "каждый волос звал поименно".  
 Часы так лились меж камней,  
 рука обжигает железо и вишни,  
 а знал тебя всю в одном слове – "забыто"  
 за солнечной кожей, что стала изнанкой,  
 бесполом зерном, из него вычтено время.  
 Белые глины – пластами и глубже,  
 меж ними кости хранились,  
 монет серебряных корни,  
 черных, как улицы, как седина полдня,  
 мать в изножьи над нами,  
 мы в постели нагие,  
 как законы грамматики,  
 и гримаса окисью тонкой, –  
 в совершенстве познавшие пыль.  
 Снова прохожий, доски забора, жар негатива,  
 виснут в зеркале угрюмые яблоки,  
 осы покидают гнезд серые раковины.  
 Ум осторожней.  
 Три дня осталось быть снегом,  
 всё потом снова.

Из-за ивы, занявшейся внезапно,  
сотое солнце в глаза метнулось,  
На траве ворон. Ворон в траве, —  
                                не говори в изумрудной,  
никто теперь так не напишет,  
кожа вещей в пестрых узорах,  
облака сентября, учителя зеленого,  
белый бомбардировщик,  
врастающий в разрежения ткани,  
не говори о траве.  
Как и вино, птицы легки на помине —  
так жилось нам в год сотого солнца и ивы.

\* \* \*

И не потому, что свет искрошен, крошечный,  
И неотторжимо одно от другого, дробясь в распре.  
Дерево начинается дрожью почвы, как заклинание,  
перерастая почву, воздух и тьмы сложение.  
Остается, меж тем, кленом тут, вылепленным из тумана,  
Там – каштаном, щедром кроной,  
ясенем, чье вторжение в стены будит, словно копье Пелида.  
Но близится дерево, как ураган. Пчелою. Громом.  
Все же иное виной. То, что явлено было впервые,  
мгновенье назад, затеряно в явном.  
И говорится об охре и крови,

о сухости, втираемой в глину веками,  
о том, что изъяны в микроструктуре глины  
могли служить "хранилищами" информации, что глина  
поглощает и сохраняет энергию,  
из глубины перенося ее на поверхность,  
и что в момент захвата электронов высокой энергии  
у нее возникает способность к самовоспроизведению,  
что если... – лист вырван. Разрежения иней,  
словно перекись водорода, колок,  
закипая на ребрах, объявляющих корабль легких.  
Горящая архитектура схожести. То, что было отпущено  
и что в известном затеряно, упускаешь из вида –  
сквозь сито. Лишь назвав, слышали, можно увидеть.  
Сна солнце. Увидеть означает создать – еще один голос.  
Создать означает забыть, где начало.  
И ураганом огромным, цветком пчелы  
бесконечным к центру в скорости черным –  
на тебя движется дерево в свете крошечном  
и в преломлении.

\* \* \*

усики гороха  
на закате как не отрывая руки  
как бешеное письмо травы  
август тесен небу  
стрижи  
близок шорох рыжего вихря  
по крылу  
излом волной  
властвует  
траектория отрицающая  
инерцию  
Глоток – логика в цепи  
сокращений.  
Не жажда.  
Да не поразит нас здесь  
голубь, боги

расстояние попрано  
Гость рад вину  
беседе молчанию –  
снег осыпается наземь  
Курит.  
На скатерти крошки.

\* \* \*

Странствующая ось, плавающие углы.  
Речь пробивает в бессмертья  
первую брешь. Что кроется  
за словами, которыми обмениваются  
по телефону мужчина и женщина?  
... и до них.  
Дыхание.  
Всадник поет обо всем,  
чего касается взгляд.  
Равномерность познания.  
Частиц волнообразное колебание.  
Насекомое на стене. Комар.  
В воронку зрачка  
звезда всверливает расстояние.  
Разум, умеющий много гитик,  
никак не заучит слова послушания.  
В полнолуние уходят концы строки.  
Наст мозга татуирован историей.  
Насекомое как стрела,  
стоящая неподвижно на месте.  
В век саранчи акридами питается святость.  
Взаимодействие желез с горлом.  
С древесиной железа.  
Любовь избирает всегда/иногда  
странные страницы из словаря.  
Орбиты словесного тяготения.  
Ударная стопа  
сменяется усеченной. Размер тела  
совпадает едва (никогда)  
с просодией мысли о тлении.  
Вестник осени с головой у плеча  
протирает полкой очки,  
совмещаясь с дверным проемом.  
Я говорю и пишу  
только лишь потому,  
что давно в состоянии  
не делать ни того, ни другого.  
Агония – самый дешевый  
источник энергии: ни одного изъяна  
в микроструктуре,

вплоть до отдельного волоска  
нет преград между ними.  
Свечение швов. Смерч.  
Рог Амалфеи.  
Время делится на сегменты  
поражения цели.  
Птенец ворона встал на крыло,  
как родник, чист его коготь.  
В воздухе снег Китая.  
Так соединяются части льва –  
что и есть соединение вида.  
Солнце испаряется в синеве,  
сознание – в парящей пылинке.  
Дождь, и великолепный удар листвы.  
Если форма и пустота таковы,  
то и все дхармы мыслятся так же.  
Череп – улей свободы.  
Сквозит. Судорога зрачка  
используется как тяга  
не для того, чтобы отшатнуться назад,  
но чтобы приблизиться:  
мы бродили по рынку,  
стояла жара.  
Божественная волна  
предвосхищений, прозрачна,  
текла, не минуя, не унося.  
Простоте движения не  
нужны объяснения.  
В ожидании письма  
в сентябрь превращается август.  
Снег сходит утром с лица,  
снились туман, апрель, поля,  
в словах – дыхание.

\* \* \*

На тридцатом году своей жизни,  
став ночным сторожем,  
я сидел на крыльце к заливу лицом  
и смотрел, как собираются птицы,  
как их носит кругами над местом,  
где, подставив лицо заходящему солнцу,  
сидел я меланхоличный, плешивый  
на тридцатом году своей жизни.

\* \* \*

Минуло все. Дождей сырость истлела,  
обнажая видения ветвей  
в изгонутых светом воздушных стремнинах,

и точно демоны в кругах тьмы небесной,  
сокрушая безмолвно своды слуха,  
трубило золото в рог, паря над камнем крови.  
Мох влажен был в меру, волосы

отметены движением.

Головокружение стлалось,  
облака умирали на месте, близились семена.  
И стало горше плодов обольщение;  
еще – пальцы, упускающие корни травы  
пред виноградом, в чьей ягоде жаркой  
отмывала осень медное зеркало хмеля.  
Радужными очами одевало безумие то,  
что крошилось или скользило, подобно капле

по лезвию стебля.

Все происходит не так, как случалось прежде,  
хотя все происходит именно так, как должно.  
Имена выгорают, и шум их невнятен,  
великие деревья заката дымятся на горизонте.  
Отнимаешь от век с недоумением пальцы –  
мел в кострах искрится, изломанный мраком.